

УДК 340.1

DOI 10.25688/2076-9113.2021.42.2.04

**В. П. Малахов,**  
**Г. М. Азнагулова**

## **Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности**

В статье раскрывается взаимосвязь правопонимания и его исторической эволюции с генезисом самого права как социального явления. Подчеркивается, что социологическое и правовое осмысление правопонимания при рассмотрении его как чисто познавательной деятельности отстраняется от исторических контекстов и жизненных ситуаций. Сделан вывод, что формирующаяся цифровая реальность, охватывая традиционные отношения, устои и институты общества, опредмечивается и превращается в новую действительность в жизни человека и общества.

Ключевые слова: право; правопонимание; цифровизация; цифровое право; правовая система; правовое сознание; искусственный интеллект.

**К**атегория правопонимания, широко используемая в правовом дискурсе, выступает прежде всего как характеристика социально-правового способа бытия человека. Правопонимание, рассматриваемое как процесс, имплицитно содержит в себе изначально определенный смысл права, закодированный в целеполагании и мировоззренческой позиции субъекта как правового существа.

Правопонимание и его историческая эволюция тесно связаны с генезисом самого права как социального явления. Расширение области значения понимания права в современной философской и юридической науке позволяет трактовать его как взаимоинтенциональные акты постижения смысловых образований, укорененных в конкретно-исторических ситуациях общения [7].

Важная особенность последних двух десятилетий состоит в цифровизации всех сфер общественной жизни на основе повсеместного внедрения информационно-телекоммуникационных технологий, включая Интернет. Формирующаяся цифровая реальность, охватывая традиционные отношения, устои и институты общества, будучи многократно опосредованной конкретными отношениями, опредмечивается и превращается в новую действительность в жизни человека и общества.

Возникающие новые способы коммуникативного взаимодействия, проникающие в политику, право, культуру и другие сферы общественной жизни, инструментализация и формализация на основе кодирования информации — все это ведет, в результате переноса ядра системы социализации человека

в виртуальную среду, к серьезной трансформации сознания и даже к распаду целостной системы идентичности личности [2, с. 260–266].

Эти процессы оказывают самое существенное влияние на состояние и динамику правовой системы общества.

Вопрос о цифровизации в связи с правом ставится по-разному. Прежде всего, он понимается как определение места права в цифровом мире в условиях цифровизации [3, 12, 13].

Если при этом речь идет о развитии цифрового права или цифровизации информационного права, то тут все ясно: проблема касается юридического обслуживания применения IT-технологий и правового сопровождения информационных потоков. Не подлежит сомнению, что «внедрение цифровых технологий в юридическую практику позволяет автоматизировать ряд процессов, которые раньше могли осуществляться лишь при прямом участии субъекта права» [8, с. 7]. То есть если вопрос и впрямь касается только отдельных элементов системы юридического права или связан с отдельными вспомогательными процедурами, то это не вопрос теории, а лишь вопрос об оптимизации правовых процессов в локальных, хотя и выдвинутых на первый план, областях.

Но вопрос о цифровизации в связи с правом ставится рядом ученых и качественно иначе: как цифровизация самого права [6] или конкретной отрасли права, например конституционного права [11]. Последнее имеет принципиальный характер, поскольку здесь речь не просто о констатации факта цифрового обеспечения всех сторон общественной жизни, в том числе и правовой, а о неизбежности изменений в самом праве.

Главный тезис авторов данной статьи в том, что, независимо от того, как формулируется проблема цифровизации в отношении права, она неизбежно выводит на следующие вопросы: что с самим правом происходит в условиях его цифровизации; какое право начинает цифровизироваться и с каким правом цифровизация сочетается, какого права требует; насколько возможности цифровых технологий, их использование соответствуют природе права и не грозит ли обществу новое «головокружение от успехов»; насколько современные веяния соответствуют ожиданиям носителей массового правосознания, т. е. обычных граждан, которых так старается разглядеть социальное государство?

Все это есть вопросы методологического и мировоззренческого порядка [4], и их решение не может быть однозначным и окончательным, не имеет единственно правильного результата. Главное в том, что это решение в полной мере находится во власти некоторых закономерностей, общих для всех областей социальной и интеллектуальной жизни.

Во-первых, как известно, все динамические процессы, имеющие взрывной характер, в силу их быстротечности всегда трудно управляемы (к примеру, до сих пор в науке не решена проблема управляемого термоядерного синтеза). Цифровизация не является исключением: это процесс не только неконтролируемый, но самодовлеющий и в силу своей внутренней логики способный сам определять тенденции своего саморазвертывания.

С цифровизацией, скорее всего, может произойти то же, что, например, происходит практически со всеми фундаментальными открытиями в физике и достижениями в технике. «Наука открывает перед человеком бесконечные возможности, и он не знает, как — а главное, во имя чего — их ограничить» [1, с. 185]. Цифровизация — один из неизбежных, «неумолимых» процессов, затрагивающих сегодня все области общественной жизни и явно неспособных в случае чего подчиниться ограничениям.

Во-вторых, уже неоднократно проявлявшая себя логика развития многих процессов такова, что от решения технических проблем, как показали предыдущие промышленные перевороты, все равно рано или поздно люди переходят к социальным проблемам. Цифровые технологии носят универсальный характер, а потому закономерно будут влиять на все право (благо оно формальное), сначала выполняя вспомогательную роль, а затем переделывая само право, порождая право в качественно иной форме.

Будучи распространяемой на социальные проблемы, цифровизация выступает одной из форм преодоления социальных табу и подмены человеческого (содержательного) обезличенным (формальным). Однако что хорошо для государства, государственного контроля, управления, манипулирования, то вовсе не так хорошо для воспроизводства общества, в том числе гражданского, и для воспроизводства личности.

В-третьих, цифровизация, как и всякий другой процесс, обоюдоостра, она являет собой единство позитивного и негативного моментов. Насколько современные общества готовы пожертвовать чем-то давно сложившимся в правовой организации жизни ради очевидных непосредственных преимуществ цифровизации? В научной литературе и публицистике высказываются вполне обоснованные мнения, что цифровизация может способствовать деградации, например в сфере образования. Могут ли эти тенденции распространиться и на право? Почему нет?

Цифровизацию права можно называть его механизацией, требующей рано или поздно отказа от органичных связей в правовой системе, а главное, в правовой практике. Она представляет собой перевод регулирования правовых отношений, правовой практики на автоматизированное техническими средствами оперирование информацией. Бесспорно, цифровизация вполне вписывается в те стороны правовой жизни, которые могут регулироваться на формальной основе.

Надо заметить, что цифровизация в значительной мере отвечает природе юридического права, поскольку оно, в отличие от иных форм права, являет собой пример механической системы, носит технический характер. Однако, распространяясь на механические компоненты действующего права, цифровизация неизбежно начинает механизировать и право в целом, ибо препятствовать этой цифровой экспансии невозможно; цифровизация может быть выборочной и ограниченной разве что в наших благих намерениях.

Цифровизация в своем развитии со временем распространится на субстанциональные основы права. Это означает, что она объективно видоизменяет право и потому требует иного, адекватного данным процессам, понимания права, всей его идейно-ценностной основы, т. е. правосознания.

Процесс «перепонимания», «приживания» цифровизации к правосознанию, как и все, что не из него вырастает, а привносится в него, потребует значительного времени. Однако цифровизация захватит правовое пространство гораздо раньше, и потому для ее активного и легко доступного внедрения адекватного понимания того права, которое цифровизация обслуживает, не потребуются; цифровизация, по нашему мнению, порождает индифферентность к проблеме правопонимания.

И все же мы должны предельно четко представлять, какое право в конце концов появится в результате экспансии цифровых технологий в правовую сферу. Это потребует огромной работы, в том числе по реформированию законодательства, процессуального права, системы правового просвещения и воспитания, перестройки общей и отраслевой теории и многого другого. Трансформация правопонимания займет гораздо большее время, чем внедрение цифровых технологий во все ключевые сферы действия права. В этот период преобладающими состояниями в первую очередь будут отчуждение правосознания от «оцифрованного» права и доминирование, до абсолютизации, механизмов принуждения.

С каким правопониманием на самом деле будет связана стратегия цифровизации права, можно только предполагать, поэтому пока достаточно лишь оценить степень адекватности этому процессу ряда сложившихся и в той или иной степени уже используемых в теории подходов к пониманию права. Возможно, именно они составят основу искомого правопонимания.

Поскольку цифровизация нацелена на то, чтобы обеспечивать информационно-коммуникационные процессы, постольку, полагаем, с нею лучше всего сочетается коммуникативное правопонимание [9, 14]. Проблема, однако, не в самом по себе этом сочетании, а в том, что такое правопонимание коммуникативную характеристику права приравнивает к его природе, т. е. абсолютизирует ее. Конечно, если все сводить к коммуникации — к циркуляции информации, обмену ею, — тогда цифровизация не представляет собой серьезной социальной проблемы и не требует переворота в понимании права. Однако недопустимо действительное право отождествлять с его информационной составляющей и в то же время отгораживать последнюю от иных составляющих права.

Весьма близким к коммуникативному правопониманию, до родства с ним, является структуралистское правопонимание [4, с. 66–71; 10], связанное с поиском знаковой системы, посредством которой право воспринимается как инвариантная структура и совокупность текстов. Примечательно, что активно действующий субъект последовательно элиминируется из понимания права; искусственно онтологизируемые структуры содержательно несущественны.

Далее. Практически полностью совместимо с внедрением в правовую практику цифровых технологий понимание права как юридической техники<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Эту теорию многие годы разрабатывает, например, коллектив ученых Нижегородской академии МВД России.

При таком подходе в содержательном плане право оказывается полностью индифферентным: достаточно наличия универсальных процедур.

Наконец, в связи с рассматриваемой проблемой нельзя обойти вниманием довольно активно культивируемое интегративное правопонимание. По нашему мнению, его можно было бы также обозначить как мозаичное, поскольку в основу его положена методологическая идея о возможности существования некоего «метаправопонимания», вбирающего в себя совокупность черт, характерных для разных типов правопонимания, прежде всего юридического и социологического. Не вступая здесь в дискуссию относительно возможности сочетания в одном понимании разных подходов к пониманию права, можно это интегративное правопонимание охарактеризовать как мимикрирующее, способное приспособливаться к любым процессам, оказывающим воздействие на право. Это характерный признак духа времени, в котором абсолютные ориентиры перестали на самом деле существовать и превратились в идеологические фантомы.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что, независимо от того или иного типа нового правопонимания, тенденция намечается одна — цифровизация требует сужения юридического понимания права, устранения признаков естественно-правового понимания и искажения социологического правопонимания.

Она требует и иного, чем в классическом варианте, понимания самого человека как правового субъекта. Однако вправе ли мы забывать главное, а именно, что «в конечном итоге право предстает как обещание человечности, данное одной частью людей другой части и гарантированное законом» [1, с. 201]? Ясно, что эта мировоззренческая позиция уже не очень значима для современной теории. И, скорее всего, от этого своего предназначения право постепенно будет отходить.

Каковы последствия этого процесса, явно объективного для современного общества, и доминирования в наибольшей степени соответствующего ему правопонимания? К наблюдению чего, иными словами, нужно быть готовым теоретикам и практикам?

Во-первых, современное общество, как известно, стало, с одной стороны, массовым, а с другой стороны, индивидуализированным. Это, конечно, не следствие цифровизации, а условие, в рамках которого она протекает.

То же можно сказать и по поводу права: человек остается наедине с правом, без живых, таких же, как он сам, посредников. Право превращается из прилюдного не в приватный образ действительной, результативной правовой жизни, а только в символическую реальность, в которой оказывается возможным присутствие человека только как подневольного наблюдателя. Вероятна полная утрата двусторонности правовой жизни, которая и так сведена публичностью права до минимума, формального существования.

Тем самым главная угроза цифровизации заключается в отчуждении человека от права [5, с. 84–97], когда останутся только символические формы

человека, которые впоследствии породят правоотношения, по сути, безразличные к людям.

Во-вторых, цифровизация только на первых порах выступает помощником естественному интеллекту, который находит проявление и выражение, в частности, в праве. Следствием цифровизации непременно будет замена человеческого интеллекта вневременным и внепространственным искусственным интеллектом. Вопрос о цифровизации — вопрос о вторжении искусственного интеллекта в правовую сферу.

В-третьих, право, возникшее и существовавшее как форма социального бытия человека и уже исчезающая ныне как мера свободы человека, будет совершенствоваться лишь как форма и средство управления.

В итоге возможен полный отрыв права от его нравственных оснований и его перерождение в управленческую технологию, модификации права будут сопровождаться вытеснением из него элемента правосознания. Тогда правосознание сольется с моральным сознанием, что лишь приведет к потере справедливости и вечно продолжающегося рационального поиска ее смысла как стремления человека к целостности и полноте своего бытия.

В-четвертых, произойдут существенные содержательные и функциональные изменения в основных элементах права, а именно нормы, требования, договоры и т. п. будут обретать характер технических текстов. В регулятивных процессах, суде, правоохране и т. д. единственными станут функции манипулирования отношениями, принуждения и всеобъемлющего контроля.

Тогда «само по себе правопонимание» перестанет быть актуальной проблемой: опустевшую нишу займет тотальный прагматизм, правом станет все то, что способно действовать и воздействовать. Онтологизация информационно-коммуникативных процессов неизбежно делает объективность призрачной.

### Литература

1. Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия. М.: «Nota-Bene» Медиа Трейд Компания, 2004. 328 с.
2. Журавлев И. В., Журавлева Ю. В. Кризис идентичности в эпоху современных технологий // Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 14–15 ноября 2018 г.). М.: Юриспруденция, 2019. С. 260–266.
3. Зорькин В. Д. Право в цифровом мире // Российская газета. № 115. 2018. 29 мая.
4. Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2018. 239 с.
5. Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013. 151 с.
6. Овчинников А. И. Право и правосознание в условиях цифровизации общества // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7. № 2. С. 22–31.

7. Огурцов А. П. Понимание // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2010. 692 с.
8. Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13.
9. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание. СПб.: Алет-Пресс, 2014. 575 с.
10. Постклассическая онтология права / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2016. 688 с.
11. Тонков Е. Цифровизация права: проблемы и перспективы // Вестник судебного сообщества Белгородской области. 2019. № 10. С. 6–9.
12. Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровизации. СПб.: СПбГУП, 2019. 36 с.
13. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
14. Хук М. ван. Право как коммуникация. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. 288 с.

### Literatura

1. Garapon A. Xranitel' obeshhanij: sud i demokratiya. M.: «Nota-Bene» Media Trejd Kompaniya, 2004. 328 s.
2. Zhuravlev I. V., Zhuravleva Yu. V. Krizis identichnosti v e`poxu sovremenny`x tehnologij // Novaya kul`tura kommunikacij v usloviyax cifrovoy i sociokul`turnoj globalizacii: pravo, media i nacional'naya identichnost': sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Moskva, 14–15 noyabrya 2018 g.). M.: Yurisprudenciya, 2019. S. 260–266.
3. Zor`kin V. D. Pravo v cifrovom mire // Rossijskaya gazeta. № 115. 2018. 29 maya.
4. Malaxov V. P. Metodologicheskoe my`shlenie v poznanii i ponimanii prava. M.: YuNITI-DANA; Zakon i pravo, 2018. 239 s.
5. Malaxov V. P. Mify` sovremennoj obshhepravovoj teorii. M.: YuNITI-DANA; Zakon i pravo, 2013. 151 s.
6. Ovchinnikov A. I. Pravo i pravosoznanie v usloviyax cifrovizacii obshhestva // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2020. T. 7. № 2. S. 22–31.
7. Ogurczov A. P. Ponimanie // Novaya filosofskaya e`nciklopediya: v 4 t. T. 3. M.: My`sl', 2010. 692 s.
8. Pashencev D. A. Rossijskaya zakonotvorcheskaya tradiciya pred vy`zovom cifrovizacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 2. S. 5–13.
9. Polyakov A. V. Kommunikativnoe pravoponimanie. SPb.: Alet-Press, 2014. 575 s.
10. Postklassicheskaya ontologiya prava / pod obshh. red. I. L. Chestnova. SPb.: Aletejya, 2016. 688 s.
11. Tonkov E. Cifrovizaciya prava: problemy` i perspektivy` // Vestnik sudejskogo soobshhestva Belgorodskoj oblasti. 2019. № 10. S. 6–9.
12. Xabrieva T. Ya. Pravo v usloviyax cifrovizacii. SPb.: SPbGUP, 2019. 36 s.
13. Xabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyax cifrovoy real`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 1. S. 85–102.
14. Xuk M. van. Pravo kak kommunikaciya. SPb.: Izd. dom S.-Peterb. gos. un-ta, ООО «Universitetskij izdatel'skij konsorcium», 2012. 288 s.

V. P. Malakhov,  
G. M. Aznagulova

### **The Problem of Legal Understanding in Digital Reality**

Legal understanding and its historical evolution are closely related to the genesis of law itself as a social phenomenon; sociological and legal conception of legal understanding when considering it as a purely cognitive activity is removed from historical contexts and life situations. An important feature of the last two decades is the digitalization of all spheres of public life based on the widespread introduction of information and telecommunication technologies, including the Internet. The emerging digital reality embracing traditional relations, foundations and institutions of society being repeatedly mediated by specific relations is objectified and turns into a new reality in the life of a person and society.

Keywords: law; legal thinking; digitalization; digital law; legal system; legal consciousness; artificial Intelligence.